

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

"НUESTRO PAIS"

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director TATIANA X. DE DUBROWSKY CasiHa de Correo 2847 Buenos Aires Argentina

Correo Argentino Suc. 30 (B) FRANQUEO PAGADO Concesión No. 4233 Concesión No. 3980 INTERES GENERAL

AÑO XXII

Buenos Aires, 17 de marzo de 1970

Буэнос Айрес, вторник 17 марта 1970 года № 1047

АРХИМАНДРИТ КОНСТАНТИН

О БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ*

Полвека прошло после мученической кончины адмирала Колчака. Сорок лет тому назад пережили мы похищение сатанистами генерала Кутепова... С первым не было у меня никакой личной связи, хотя именно с ним связан поворот, в нужном направлении, моей жизни. Когда свершился октябрьский переворот, я мгновенно уехал из Петербурга в Москву и на вопрос близких людей, что я намерен делать, отвечал ссылкой на ответ Сийса на вопрос, что он делал в начальный период революции: "Я существовал". Думалось мне, что надо незаметно переждать какой-то срок... Тут же я получил предложение ехать к Колчаку, чтобы потрудиться по гражданской части в творимом им деле — и мгновенно снялся. Ехать можно было к нему только через Юг России. Там я, силой вещей, однако, и остался. С генералом Кутеповым у меня возникла личная связь, но и издавна не мог в моем сознании не запечатлеться образ адмирала Колчака — во всей его исключительной привлекательности. Мягкая простота в подтянуто-деловой героичности — так, кажется, можно определить существо его личности. Некое поэтическое тепло исходило от него даже и в далеком отчуждении, но тут же вырисовывался стальной силуэт боевого вождя, сочетающего ничем невозмутимое личное мужество с, гением пронизанной властью. Нечто совсем иное являл собою генерал Кутепов. И в нем была простота — но она исчерпывала в себе: невозмутимая обыденная простота! Она покрывала все, она была ответом на все. И в этом своем свойстве Кутепов был в такой же мере неповторим, как в своей изящной изощренности неповторим был Колчак.

Если адмирал Колчак, можно думать, и в самой тесной близости оставался на какой-то недосягаемой высоте, то генерал Кутепов, при всех возможных условиях сплошного подвига своей жизни, оставался неизменно лишь первым среди равных. Если адмирал Колчак творил личные великие дела, пользуясь, как материалом, всем окружающим, в том составе и потребным для того человеческим персоналом, то генерал Кутепов создавал атмосферу общего дела, совместно с ним творимого, независимо от того, тут ли он персонально находится, или нет. Он был как бы за спиной каждого, неотменно, в общем деле участвующего, и это сознание не утрачивалось в самые критические моменты, внося бодрость и спокойствие. Его руководство рождало не столько нарочитый подъем духа, сколько внедряло в сознание каждого невозмутимую выдержку в исполнении своего долга — таков был героизм кутеповский, сообщаемый его соратниками...

И тут же вздымается еще одна фигура, формирующая как бы некий сияющий триумвират, воплощающий все Белое движение в его целом, в его исторической величественности — генерал Корнилов. Высокий патристический долг с узором в окраски запечатлелся на предельно скромном в своей предельной героичности зачинателе Белого Движения, чтобы...

* К пятидесятилетию со дня убийства адмирала Колчака и сорокалетию со дня похищения Генерала Кутепова мы публикуем статью известного публициста Зарубежья — Архимандрита Константина («Православная Русь» № 933).

с кой отвагой вскипеть в завершительном всплеске Белого Движения Врангелевском, сумевшем самую эвакуацию за пределы России обратить в некое духовное торжество непобедимой ничем верности Исторической России... Пусть много темного явила действительность Белого Движения в своей массовости, весьма разнокачественной: не только патристический идеализм самоотверженных подростков, окрыливший самое возникновение Белого Движения, определял его положительную сущность. Эта сущность жила и цвела во всем его составе от последнего солдата до верховного главнокомандующего, проникая и гражданскую сторону, необходимо сопровождавшую вездe Белое Движение, как начаток творимого будущего. Чем же может быть вразумительно объяснена несостоятельность Белого Движения, в его восстановительной силе?

"Укажите мне силу, которая бы без особенных побуждений, без начальственных распоряжений, без всякого насилия, одним мановением могла двинуть народные массы к самым важным и тяжким подвигам, к неодолимой борьбе со всякой противной силой, к самым великим пожертвованиям, даже до жертвы всем своим состоянием и самой жизнью. Укажите силу, которая одним словом могла бы вызывать голос народа, во всю мощь его потрясающего грома и несокрушимого действия. У других народов такими силами ныне служат идеи прогресса, цивилизации, свободы... Покажите эти знамена нашему народу, он посмотрит и спросит: есть ли в них знамение креста или другой святыни? Нет? Значит, скажет он, они не христианские. А вот мы воззовем к народу во имя святой веры и святыни: и тогда нет силы, которая бы одолела наш народ, нет жертвы, которой он не принес бы эти заветные сокровища и силам своей души и жизни... Благодарение Богу, что еще горит на Руси этот священный огонь, освещающий душу народа... Как и беречь его надо обществу и правительству, как осторожно обращаться с ним, чтобы не дать ему ложного направления, под видом усиления, или, подбрасывая в душу народа всякий хлам идей и стремлений, не разжечь этого огня до бурного пламени: и тогда его сила из мирной и успокаивающей народ, делается страшно разрушительной для всего противного вере народной".

Так говорил в одной своей проповеди сто лет тому назад епископ Иоанн Смоленский, настолько уверенный в глубоком проникновении русского народа такой верой, что все усилия общества и правительства насадить что-либо иное воспринимал он не под углом зрения соблазна, а лишь как нечто, способное вызвать стихийный народный бунт против т а к х общества и правительства!.. Другой высококачественный русский православный иерарх, Антоний Храповицкий, четверть века спустя на собственном опыте испытал исчезновение т а к о г о народа под воздействием разрушительных сил, о которых говорил епископ Иоанн Смоленский. Русская революция 1905-6 гг., оформившаяся в 1917 году это воочию явила. Явила она и нечто другое, что ясно было всякому сознанию типа епископа Иоанна Смоленского: никакие положительные ценности в том хаосе всяких ценностей, какими не могла не стать охваченная революцией Россия, взять верх не могли. Вообще, создать н о в у ю Россию в

этом хаосе, ни путем сговора, ни путем подавления ее силой, нельзя было. Ее можно было только восстановить, тем остановив ее развал. Но для этого надо было понимать, что именно в ее лице уходило из мира! Это, однако даже церковное сознание уже не ощущало! Чтоб в этом убедиться, достаточно вспомнить те первоначальные суждения о взаимоотношениях Церкви (вообще!) и Государства (вообще!), которые имели место на Соборе 1917 года. Применительно же к Царю, не только мысль об уходе Удерживающего в лице нашего Царя (чем определялся конец Вселенной!) не владела сознанием даже близких к престолу людей, но и самая помощь Царю, если мыслилась кем конкретно, то только в форме обеспечения отъезда его за границу!

Чтобы понять то, что произошло с Россией, надо увидеть две вещи, которые, несмотря на их очевидность, не только не усвоены сознанием европейско-американским, но остаются чуждыми и русскому сознанию, даже, казалось бы, квалифицированному:

1. Катастрофа постигла Россию не как результат разрушительных явлений, присущих русской действительности и достигших своего предела, обуславливающего крушение всего исторического строя, а, как раз наоборот, она возникла в условиях беспримерного в истории России успеха во всех областях жизни — кроме одной: духовной.

2. Россия же не имела, как Целое, ничего способного ее объединить в одно Целое — кроме, именно, д у х о в н о г о начала, ее целостность, в конечном счете, определявшего, как промыслительно хранящего весь мир Русского Православного Царства.

Белое Движение было попыткой русского общества сохранить в революции, их усовершенствовавши, разные положительные свойства ее быта — но совершенно вне всякого учета этого промыслительного задания, вложенного Богом в Историческую Россию. Тем самым все получало утилитарный характер, и это в условиях, когда охранительное начало не могло не пассивать пред лицом мечтательного устремления к лучшему, какое не могло не принимать характера весьма далекого от идеалов Исторической России. Тем самым, Белое Движение естественно и неотменно оказывалось раздвоенным, сочетая в себе, с одной стороны, живые остатки былого государственного и общественного строя, а с другой, устремленность к радикальной смене всего, чисто революционной и воплощение получавшей в некоем мифическом «Учредительном Собрании», которое призвано будет сказать человечеству некое новое слово.

Что это практически означало, если не превращение всего жизнеспособного в плане устройства общественно-государственного в составе Белого Движения в исполнительный подсобный аппарат, терпимый лишь в его служилой работе, но имеющий самоуничижиться пред лицом тех фантазм, которыми насыщено было сознание "передового" общества, не приемлющего коммунистического террора. Тем самым Белое Движение становилось чем? ДОЖИВАНИЕМ остатков старого режима, как в буквальном смысле сохранения жизни этими остатками, так и в переносном — готовности жертвовать жизнью идеалистически за такое будущее, которое тут же

обращалось во внутреннее соперничество отдельных элементов этого будущего, бесконечно и безнадежно далеких от того, чем жила Историческая Россия.

Не предрешало ли это победу того элемента, предельно крайнего, который уже "палку взял"? Не определяло ли все это то, на первый взгляд парадоксальное, утверждение, которое, остается неопровержимым, поскольку и сейчас остается в силе вопрос о русском будущем, а именно: бесценным достижением Белого Движения, е д и н ст в е н н ы м , но потому долженствующим быть особенно ценным, является массовая эмиграция способного к борьбе русского народа, позволившая возникнуть на заграничной почве, на которой господствовала гражданская свобода, некой Зарубежной России, способной продолжать борьбу с воцарившейся на русской почве сатанократией.

В сущности, объективная значимость русской эмиграции может быть исчерпывающе определена, как продолжение Белого дела, не в смысле, конечно, преемственности всецелой его всяческой сущности, а в смысле свободного раскрытия промыслительных путей русского будущего и самоотверженного служения делу их осуществления.

Как далеко ни продвинулось овладение миром Апостасией, Антихрист еще не пришел — значит, на весу еще жизнь мира! Пусть судьба мира решается внутренней Россией. Процессы там идут, отчасти и во вне получающие некоторое отображение — с п а с и т е л ь н ы е . Но в какой еще мгле духовной протекают они, свидетельством может служить приведенное в настоящем номере "Православной Руси" стихотворение, трогательное в своем самоотвержении, но какую духовную невнятицу собою являющую. Этим нам указывается поле деятельности, промыслительно именно нам предназначенное: и д е о л о г и ч е с к о е п р о с в е щ е н и е ! Стена, отделяющая эмиграцию от России имеет щели, и никто не знает как и что проникает во внутрь. Но надо, чтобы было на виду то, что раскрывает Правду, адекватную действительности Апостасийной. И кто нарочито к этому призван, если не все то же Белое Движение, соответственно созревшее в своем свободном развитии?

АРХИМАНДРИТ КОНСТАНТИН

Юрий Стефанов

СОШЕСТВИЕ ВО АД

Я слышать не в силах такие слова: Россия, Россия... Россия мертва... Мертвы ее хаты, овинь, луга, Рассветы, закаты, гармошки, стога, Мертвы ее кручи, ложины мертвы, Мертвы ее тучи среди синевы Мертвы ее грады, деревья, трава... И недруги рады: Россия мертва! О, Господи Боже! Молитву услышь! Я знаю — Ты тоже со мною скорбишь; И мне одному Ты укажешь пути — В подземную тьму за Россией сойти. По скольким ступеням я тихо сойду К России в геенне, к России в аду... Приближусь несмело, скажу чуть дыша: Тебе мое тело и кровь и душа! Склонись к изголовью, и слезы, и гной Моею ты кровью, Россия, омой И на половины мне плоть раздерн. И словно холстинной личо оботри... И в славе и силе иди на Звезду... Я вместо России останусь в аду!

Отрывок из поэмы молодого подсоветского поэта Юрия Стефанова, помещенной в подпольном сборнике "Сфинксы", изданным группой "С.М.О.Г."

Большинство советских граждан католического вероисповедания живет в Литве, где существует около 500 католических приходов, и в Латвии, где этих приходов 100 с лишним. Кроме того, существует шесть католических приходов во Львове и по одному в Ленинграде, Одессе и Тифлисе. Существующий в Москве католический храм Св. Людовика обслуживает почти исключительно живущих в этом городе иностранцев.

АМЕРИКАНСКАЯ МИТРОПОЛИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

По полученным здесь сведениям, находящийся в Женеве митрополит Никодим, который вел от имени московской патриархии переговоры с американской митрополией о предоставлении ей автокефалии, предполагает прилететь в Нью Йорк во второй половине марта. Неизвестно, означает ли этот его предстоящий приезд наличие окончательного соглашения между патриархией и митрополией или вызван он необходимостью дополнительных переговоров.

Существующий в Си Клиффе, в окрестностях Нью Йорка, приход во имя Казанской иконы Божией Матери, вследствие отрицательного отношения подавляющего большинства его прихожан к желанию митрополии получить автокефалию от Москвы, перешел в Русскую Православную Церковь за границей. Настоятель этого прихода, протоиерей Алексей Ионов, который был, по назначению митрополии, одним из членов комиссии по выработке окончательного текста ее соглашения с патриархией, последовал примеру своих прихожан. Митрополия уволила его с должности настоятеля названного прихода и назначила его преемником священника Георгия Афонского, сторонника автокефалии. В один и тот же день литургия в храме прихода была утром отслужена священником Афонским, а днем там же секретарем Архиерейского Синода епископом Лавром в сослужении с протоиереем Ионовым и Легким был отслужен молебен по случаю перехода прихода из митрополии в зарубежную Церковь.

непосильная задача

За последнее время советская пропаганда усилила свои нападки на пекинскую правящую клику — в связи с юбилеем, двадцатилетием советско-китайского договора о дружбе, что ли? Наиболее частое обвинение — в военном психозе, милитаристском шабаше и в подготовке к агрессивной войне с Советским Союзом. Советские пропагандисты, действуя в этом направлении, не жалеют красок. Не жалеют они также и своих коллег, которые трудились на этой неблагодарной ниве несколькими годами раньше.

Один пример. В течение первых лет действия советско-китайского договора, советская пропаганда рьяно описывала миролюбие пекинского режима и протиски американских и прочих агрессоров, которые на этот режим будто бы покушались. Теперь пропагандисты повернулись на сто восемьдесят градусов. Взять хотя бы, например, статью "Милитаристский угар в Пекине", которая была опубликована в "Красной звезде" 21-го января. Автор статьи, Андреев, писал:

"В сознание китайских трудящихся настойчиво вдалбливаются клеветнические измышления об угрозе "советской агрессии". Подобно тому, как в 1958 и 1962 годах запугивали нашествием Чан Кай-ши с востока, в 1962 и 1965 — провокациями "индийских реакционеров" на западе, в 1965 и 1966 годах — нападением Соединенных Штатов с юга, ныне китайцев устрашают "угрозой с севера".

Нет нужды говорить, что "угрозу с севера" автор статьи Андреев считает мифической. Но не напрашивается ли вывод, что столь же мифическими он считает и угрозу с востока, со стороны Чан Кай-ши, и провокации на западе, со стороны Индии, и подготовку нападения с юга — со стороны Америки.

Почему же советские пропагандисты решились поправить мифы, которые они любовно растили и лелеяли в течение

многих лет? Да потому, что, ополчаясь на китайский коммунистический режим, плоть от плоти режима советского, они сталкиваются с проблемой, труднее которой не было еще в истории советской пропаганды. Ведь какую сторону жизни Континентального Китая ни возьмешь — везде видны черты сталинского советского прошлого и брежневского советского настоящего. Причем ясно это не только пропагандистам, а и читателям, и слушателям, и телезрителям... И о чем бы ни писал, скажем, тот же Андреев, везде хочется воскликнуть: "Да ведь все это есть и в СССР!"

"Чтобы никто не усомнился в реальности удара "социал-империализма" в Гуанчжоу, разрабатывают планы эвакуации детей, в Шанхае распространяют инструкции по оказанию первой помощи раненым во время обычного воздушного налета и в случае ядерного взрыва, в других городах проводят учебные воздушные тревоги..."

Если бы Андреев не упомянул название китайских городов — Гуанчжоу, Шанхай, — можно было бы подумать, что он описывает советские учения по гражданской обороне...

"Переполненный в центре котел недовольства маоисты стремятся расплескать по медвежьим углам..."

Но разве не высылают в медвежьи углы и в Советском Союзе людей недовольных существующим положением, снэбжая их ярлыком "тунеядец"?

"Широко известно, что план фактического уничтожения интеллигенции как социальной прослойки путем переселе-

ния десятков миллионов образованных молодых людей и интеллигентов в пустынные, лесные и горные районы — давняя затея маоистов..."

Тут даже говорить ничего не надо — сравнение с советским режимом напрашивается само собой.

"Маоисты надеются, что подготовка к войне спишет все: развал партийного и государственного аппарата, беззакония и произвол, перевод всей экономики и общественно-политической жизни страны на военные рельсы, глумление над миллионами граждан..."

Опять-таки очень знакомые явления... «По существу цель всей нынешней политики пекинских правителей — создание базы за мировую гегемонию, проведение экспансионистского авантюристического курса в отношении соседних с Китаем стран и в конечном счете — осуществление некой исторической миссии "преобразования земного шара с помощью идей Мао Тзе-тунга".

Стоит заменить слово "пекинские" словом "кремлевские", слово Китай словом "Советский Союз" — и все сказанное можно отнести к руководителям КПСС с их вторжением в Чехословакию, с их ближне-восточной авантюрой, с их навязчивой идеей "преобразования земного шара с помощью ленинских идей"...

Да, трудная, непосильная перед советскими пропагандистами поставлена задача. Как показать неприглядность китайского коммунистического режима, не обнажая в то же время неприглядности другого, некогда "братского" общественно-политического строя? ●

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

НОВАЯ КНИГА ЕЛЕНА СЕМЧЕВСКОЙ

Цена — 3 ам. доллара с пересылкой.

В Аргентине продается: М. Tamarzeff, Casilla Correo 4, Villa Ballester, Prov. Bs. As.; Tatiana K. de Dubrowsky, Monroe 4219, Dep. 10, Capital.

«... Читая эту книжку, можно отдохнуть и незлобно посмеяться над сложными перипетиями эмигрантского быта... («Часовой»). Склад издания: Mrs. H. Semchevsky, 669 Spruce Ave., Pacific Grove, Calif. 93950, U.S.A.

АЛЕКСАНДР БРУННЕР

(MARTILERO)

ПОКУПКА И ПРОДАЖА ДОМОВ, ИМЕНИЙ, УЧАСТКОВ.

КВАРТИРНЫЕ ВОПРОСЫ.

ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ.

PUEYRREDON 222, VILLA BALLESTER, F.N.G.B.M. - T. E. 758-4759

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 88

Печатается без ведома
и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Все это было Олегу совсем ни к чему, но он с интересом рассматривал ее белую корону, стараясь представить прическу девушки без перекрута бинтов. Главное лицо здесь была врачиха, и надо было бороться с ней, не мешкая, возражать и отговариваться, а он, теряя темп, рассматривал девушку с японским разрезом глаз. Как всякая молодая девушка, уже потому, что молода, она сохранила в себе загадку, несла ее в себе на каждом переступе, сознавала при каждом повороте головы.

А тем временем Костоготову сжали руку черной змеей и определили, что давление подходящее.

Он рот раскрыл сказать следующее, почему не согласен, но из дверей врачиху позвали к телефону.

Она дернулась и ушла, сестра укладывала черные трубки в футляр, а Олег все так же лежал на спине.

— Откуда этот врач, а? — спросил он.

Всякая мелодия голоса тоже относилась ко внутренней загадке девушки, и она чувствовала это, и говорила, внимательно слушая свой голос:

— Со станции переливания крови.

— А зачем она старую привозит? — проверял Олег хоть на девчонке.

— Это — не старая, — плавно повела девушка головой и понесла корону по комнате.

Девчонка эта вполне была уверена, что все нужное для нее она знает.

Да, может, так оно и было.

Солнце уже завершило на сторону перевязочной. Прямо сюда оно не попадало, но два окна светились ярко, а еще часть потолка была занята большим световым пятном, отразившимся от чего-то. Было очень светло, и к тому же чисто, тихо.

Хорошо было в комнате.

Открылась дверь, не видимая Олегу, но вошла кто-то другая, не та.

Вошла, почти не стуча туфлями, не выстукивая каблучками своего "я".

И Олег догадался.

Никто больше так не ходил. Ее и не хватало в этой комнате, ее одной.

Вера!

Да, она. Она вступала в его поле зрения. Так просто вошла, как будто не задолго отсюда вышла.

— Да где же вы были, Вера Корнильевна?.. — улыбался Олег.

Он не воскликнул это, он спросил это негромко, счастливо. И не поднимаясь сестра, хотя не был привязан к столу.

До конца стало в комнате тихо, светло, хорошо.

А у Вери был свой вопрос, тоже в улыбке:

— Вы — бунтуете?

Но уже расслабив в своем намерении сопротивляться, уже наслаждаясь, что он лежит на этом столе, и его так просто не сонный, Олег ответил:

— Я?.. Нет, уж я свое отбунтовал... Где вы были? Больше недели.

Раздельно, как бы диктуя несмышленому непривычные новые слова, она проговорила, стоя над ним:

— Я ездила основывать онкологические пункты. Вести противокорковую пропаганду.

— Куда-нибудь в глубинку?

— Да.

— А больше не поедете?

— Пока нет. А вы — себя плохо чувствуете?

(Продолжение следует)

